

Олеся Кирчик

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ОБЩЕСТВА: НЕФОРМАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ

Сигман К. Политические клубы и Перестройка в России: Оппозиция без диссидентства. М.: Новое литературное обозрение, 2014.– 472с. ISBN 978-5-4448-0220-5

Русский перевод книги французского социолога Кароль Сигман дает нам возможность вспомнить полузабытый сегодня феномен «неформальных» политических клубов в СССР. Это общественно-политическое движение, сошедшее на нет с распадом Советского Союза, тем не менее оставило заметный след в истории Перестройки. Каковы его истоки? Что за люди составили его социальную базу, какова их дальнейшая судьба? И самое важное: какую роль неформальные клубы сыграли в процессе изменений?

Исключительность книги состоит, прежде всего, в рассмотрении политической истории позднего СССР из перспективы «низовых» общественных акторов, принявших участие в публичном обсуждении ключевых вопросов политики того времени. Подобных исследований истории Перестройки, не сфокусированных на больших нарративах, макроструктурах и процессах, все еще явно недостаточно.

Кароль Сигман подробно изучает историю тридцати московских клубов, наиболее заметных в общественно-политическом пространстве в период 1987–1989 гг. Помимо многочисленных письменных источников, касающихся их деятельности, автором собрана информация о биографических траекториях почти девяти десятков активистов, с большинством из которых были проведены интервью. Точка зрения неформалов дополняется интервью с работниками райкомов и архивными документами, проливающими свет на отношения неформальных клубов и районной партийной администрации. Это дает представление о том, как формировалась локальная прото-публичная политика, стремившаяся одновременно и стимулировать гражданское участие, и держать его под контролем.

Прежде чем перейти к обсуждению содержания и выводов книги, стоит отметить амбиции автора в осмыслении природы позднесоветского режима и посткоммунистических переходных процессов. Основные элементы теоретической конструкции Сигман заимствует из таких разных источников, как теория социального воспроизводства и поля власти Пьера Бурдьё (Бурдьё 2005, 2007), теория политических поколений Карла Маннгейма (Мангейм 2000) и менее известная в России концепция политических кризисов французского политолога Мишеля Добри, делающая

акцент на текучести, высокой неопределенности критических конъюнктур (Dobry 1986).

В первой части книги анализируется состав «неформального» движения: семейные истории, образовательные и профессиональные траектории, мотивы вовлеченности в движение. Такой анализ имеет не только историографическую ценность, но становится также ключом к пониманию динамики движения. Открытие Сигман состоит в выявлении двух разных когорт или поколений, вошедших в движение с разницей в два-три года и различавшихся по социальному происхождению, образованию, карьерам, а также – видением политической стратегии и отношений с властью.

Для представителей первой когорты (большинству из которых в 1987 г. было около 30 лет) характерна восходящая социальная мобильность и высокая степень интегрированности в систему. Несмотря на обманчивое название, «неформалы» отнюдь не были маргиналами. Это группа «интеллектуалов», среди которых немало сотрудников академических институтов и университетов, стремившихся к продолжению социально одобряемой карьеры. Их позицию по отношению к системе Сигман обозначает как двойственную. С одной стороны, многие занимались подпольной деятельностью, участвуя в самиздате, являясь организаторами или участниками самостоятельных кружков и клубов со времен, предшествующих Перестройке. А для многих параллельная политическая активность была важнее, чем профессиональная деятельность. Вместе с тем для представителей этой когорты характерно неприятие позиции диссидентов и «правозащитников» старшего поколения: бескомпромиссной критике последних они предпочитают стратегию переговоров с властью. Позиция диссидентов представляется им проигрышной с точки зрения возможности ее применения. Чуть позже мы вернемся к вопросу о том, являлась ли такая «двойственная» стратегия успешной.

Формирование диспозиции к инакомыслию и активизму вне официальных структур у представителей первой когорты неформального движения является отдельным «вкладным» сюжетом в конструкции книги. Этот сюжет чрезвычайно любопытен и важен с точки зрения уточнения теории общественных движений и понимания позднесоветского общества. Сигман приходит к заключению, что первая когорта «неформалов» (и это то, что действительно позволяет нам говорить о ней как о политическом поколении) является носителем особой политической культуры. Подробный анализ семейных траекторий активистов позволил увидеть решающее значение истории семьи, часто травматической (сталинские репрессии), для формирования их политической идентичности.

Иными словами, неформальное движение не возникло в 1987 г. «из ниоткуда». Без соответствующих диспозиций, без активистского опыта у части образованной публики горбачевский призыв к «творческому переосмыслению социализма» рисковал повиснуть в воздухе или породить безжизненные марионеточные организации, которые не могли бы стать

полноценными общественными акторами. В то же время двойственная позиция первой когорты неформалов не приводила их к радикальному неприятию существующего порядка. В этом смысле их позиции органично сочетались с позициями реформаторского крыла партии: стремление к рациональному диалогу об изменении социалистической системы, по всей видимости, отвечало чаяниям обеих сторон.

Радикализация политических взглядов и политического действия, выход из залов академических обсуждений и редакций интеллектуальных изданий на улицу происходит с приходом второй когорты «неформалов». Разнородная по социальному составу (дети инженеров, врачей, рабочих...), без опыта общественной или «подпольной» деятельности, тяготеющая к техническим специальностям (в отличие от первой когорты, чаще связанной с общественными науками), эта группа подключается к движению в тот момент, когда такого рода деятельность получает распространение и легитимность. Кароль Сигман подмечает парадокс: именно представители второй когорты, вышедшие из более конформистской социальной среды, привносят в движение радикализацию. Не потому ли, что способность к диалогу является проявлением зрелой политической культуры? Впрочем, обобщения малопродуктивны, и специфические диспозиции первого поколения «неформалов» могли быть эффектом их позиционирования по отношению к старшему поколению «правозащитников» или же эффектом их привилегированной социальной позиции (хорошей интегрированности в систему).

Политическому контексту формирования первых политических клубов (1987–1988), их позиционированию по отношению к другим политическим и общественным силам, правилам «игры» с властью посвящена вторая часть книги. История создания политических клубов не противоречит тезису о Перестройке как о движении, инициированном на самом верху. Важно понять, что условием их появления стала борьба реформаторского крыла с консервативной фракцией внутри КПСС, толкнувшая первых к расширению своей общественной поддержки. Наиболее «органичным» союзником реформаторов в Кремле на первом этапе Перестройки стала прогрессивная, прорыночная академическая среда (да и само понятие «общественности» в технократической советской системе послевоенных лет практически совпадало с кругом академической интеллигенции). Поэтому неслучайно, что центральные московские клубы были образованы на базе реформистских по духу академических институтов или пользовались их организационными и административными ресурсами. Так, клуб «Перестройка» был создан и действовал на базе Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ), а «Клуб социальных инициатив» (КСИ) пользовался протекцией Советской социологической ассоциации, возглавляемой близкой в то время к Горбачеву Татьяной Заславской.

Означает ли это, что неформальные клубы были полностью инструментализованы властными структурами, формировавшими повестку дня

и правила игры? Ситуация представляется более сложной. В книге мастерски воссоздается сложная система отношений и правил, позволяющая неформалам играть на границах дозволенного и постоянно расширять эти границы. Неформалы, по всей видимости, хорошо понимали, что альянс с властью – не только ресурс, но и возможный источник дискредитации в глазах нарождающегося «демократического» движения. Так, их отношения с реформаторами во власти могут быть лучше всего описаны как «двойная игра поддержки и дистанцирования» (С. 199).

Однако такая конфигурация была вскоре нарушена в связи с приходом в движение активистов второй когорты, поставивших под вопрос альянс с властью. С 1988 г. начинается более активное вторжение «неформалов» в публичное, в том числе уличное, пространство, что стало явным нарушением правил игры, навязанных партийными органами. Наконец, раскол «неформалов» на «радикалов» и «умеренных» стал отражением более широких политических процессов. Примкнувшие к «демократической» оппозиции занялись поиском новых видов коллективного действия, ресурсов и арен, меняя и организационные формы – «народный фронт», «клуб избирателей» или даже «партия». Важно, что в новой конъюнктуре неформальные клубы, отказывавшиеся позиционировать себя в качестве политических, сдали позиции (как, например, КСИ). С этого момента феномен «неформального клуба» теряет специфичность, что приводит к размыванию «неформальной» идентичности.

Анализу процесса перерождения движения из «неформального» (и общественного) в «демократическое» (и политическое) посвящена третья часть книги. Как показывает Сигман, ключевую роль в этом процессе сыграли первые выборы на Съезд народных депутатов СССР в 1989 г. По сути они маркировали радикальное изменение политической ситуации в стране, возникновение партийной политики, не существовавшей прежде. Данная конъюнктура потребовала иных компетенций, форм действия, создала новые типы политической карьеры для вчерашних активистов. Большая политика – и это заметно по структуре книги – поглощает и вытесняет собой микроисторию общественных акторов. Дальнейший ход событий, ознаменовавшийся напряжением между союзными и российскими властями, постепенным сосредоточением полномочий в руках последних, усилению либеральных и антисоветских позиций, смешал историю неформальных клубов с историей «демократического движения», все более зависящего от Бориса Ельцина, ставшего к тому моменту его центром и символом. Дальнейшее известно. Усиление президентской власти и снижение роли парламентской политики после августа 1991 г. свели на нет политическое значение демократического движения.

К анализу индивидуальных траекторий и карьерных реконверсий бывших «неформалов» после распада СССР (имена некоторых из них, как, к примеру, Глеба Павловского, до сих пор на слуху, но многие – навсегда выпали из публичного поля) Кароль Сигман возвращается в эпилоге.

Последние страницы этой богатой эмпирическими материалами книги оставляют нас с ворохом вопросов, касающихся как момента дезинтеграции СССР, так и сегодняшнего дня. Означает ли эта история, что глубокие изменения могут быть инициированы лишь изнутри системы? Была ли специфическая форма «оппозиции без диссидентства» более успешной в сравнении с другими формами политического действия? Есть причины усомниться в этом, глядя на то, как движение, стоявшее у истоков изменений, стало жертвой этого самого процесса. Сила «неформалов» (альянс с властью) обернулась их слабостью. Но несмотря на подобный исход, «неформалы», несомненно, были среди перестроечных игроков, способствовавших изменению общественного сознания и политической ситуации в стране. В чем они безусловно преуспели, так это в производстве рационального публично-го дискурса, вытеснившего за пределы легитимности возникшие на волне Перестройки консервативные националистические и сталинистские течения. Пожалуй, рациональная публичная дискуссия (как и общественное, интеллектуальное, артистическое кипение в целом) – это то единственное, о чем стоит ностальгировать, думая о позднем Советском Союзе сегодня.

Список источников

Бурдые П. (2005) *Социология социального пространства*. Пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко, СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии.

Бурдые П., Пассрон Ж. К. (2007) *Воспроизводство: элементы теории системы образования*. Пер. с франц. Н. А. Шматко, М.: Просвещение.

Мангейм К. (2000) *Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции*, М.: ИНИОН РАН.

Dobry M. (1986) *Sociologie des crises politiques*, Paris: Presses de la FNSP.

Healy K. (2006) *Last Best Gifts: Altruism and the Market for Human Blood and Organs*, Chicago, IL: The University of Chicago Press.

Oswalt R. M. (1977) A Review of Blood Donor Motivation and Recruitment. *Transfusion*, (17): 123–135.

Piliavin J. A. (1990) Why do they Give the Gift of Life? A Review of Research on Blood Donors Since 1977. *Transfusion*, (30): 444–459.

Steiner P. (2003) Gifts of Blood and Organs: The Market and 'Fictitious' Commodities. *Revue française de sociologie, Supplement: An Annual English Selection*, (44): 147–162.

Swap W. C. (1991) When Prosocial Behavior Becomes Altruistic: An Attributional Analysis. *Current Psychology*, 10 (1): 49–64.

Titmuss R. (1997) *The Gift Relationship: From Human Blood to Social Policy*, New York: The New Press.

Olessia Kirtchik

**IN SEARCH OF THE LOST PUBLIC:
INFORMAL POLITICS OF THE PERESTROIKA**

Sigman K. Politicheskie kluby i Perestroyka v Rossii: Opozitsiya bez dissidentstva [Political Clubs and Perestroika in Russia: Opposition without Dissidence]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 472p. ISBN 978-5-4448-0220-5

References

Bourdieu P. (2005) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space], St. Petersburg.: Aleteiya, Moscow: In-t eksperim. sotsiologii.

Bourdieu P., Passeron J.C. (2007) *Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya* [Reproduction: Elements of the Theory of the System of Education], Moscow: Prosveshchenie.

Dobry M. (1986) *Sociologie des crises politiques*, Paris: Presses de la FNSP.

Mannheim K. (2000) *Ocherki sotsiologii znaniya: Problema pokoleniy – sostyazatel'nost' – ekonomicheskie ambitsii* [Essays on the sociology of knowledge. The problem of generations – competitiveness – economic ambitions], Moscow: INION RAN.

Olessia Kirtchik – leading research fellow, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University–Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation. Email: okirchik@hse.ru